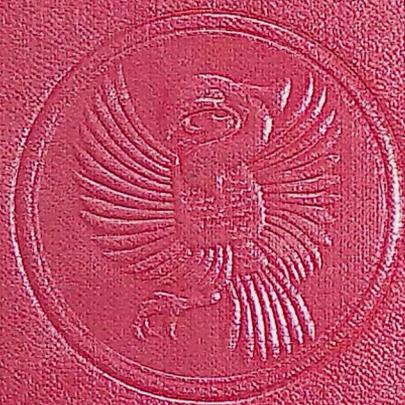

НАРОДЫ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А.А.ГУБЕРА, Ю.В.МАРЕТИНА
Д.Д.ТУМАРКИНА, Н.Н.ЧЕБОКСАРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
МОСКВА 1966

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ И ДРЕВНЕЙШАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

До сих пор не решен окончательно вопрос о том, входила ли Юго-Восточная Азия, полностью или частично, в состав прародины человечества, т. е. той обширной зоны земного шара, в пределах которой на рубеже третичного и четвертичного периодов происходило постепенное превращение в людей какой-то высокоорганизованной группы древних человекообразных обезьян (антропоидов). Ни в одной из стран Индокитая и

Ранний палеолит

Индонезии пока не найдено костных остатков ископаемых высших приматов, близких к предкам людей (гоминид). Однако на северо-западе Индостана в районе Сиваликских холмов, а также на юге современной китайской провинции Юньнань, недалеко от северных рубежей Вьетнама и Лаоса, таких остатков обнаружено довольно много. Они относятся к ископаемым антропоидам из группы рамапитеков и дриопитеков, которые, по мнению специалистов (в том числе и большинства советских антропологов), имели значительное морфологическое сходство с древнейшими представителями семейства гоминид. Места находок североиндийских и юньнаньских ископаемых человекообразных обезьян расположены недалеко от Гималаев, к которым, согласно взглядам некоторых исследователей, примыкала прародина человечества. В этой связи интересна гипотеза советского антрополога Г. Ф. Дебеца, который вслед за академиком В. В. Сушкетским указывал на гористые пространства, примыкающие к Гималаям и другим высокогорным областям Азии (а возможно и Африки), как на вероятную зону превращения обезьяны в человека. Возможно, что предки гоминид, переходившие здесь (в связи с усыханием в конце третичного периода) к прямохождению и наземному образу жизни, расселялись на юго-восток, постепенно осваивая территорию Индокитая, а затем Индонезии и Филиппин. Географических препятствий этому предполагаемому расселению не было, так как в начале четвертичного периода (плейстоцена), 1 млн.—800 тыс. лет назад, материковая часть Юго-Восточной Азии была связана широким сухопутными «мостами» с индонезийско-филиппинским миром. Используя их, можно было достичь Явы, Бали, Калимантана, Палавана, а также, возможно, Филиппин, Сулавеси и некоторых островов Восточной Индонезии. Однако восточные материковые участки значительно суживались, а местами и совсем прерывались, так что достичь Молуккских островов, а тем более Ириана (Новой Гвинеи) и Австралии гоминиды того времени вряд ли могли. Недаром именно в этих местах проходит один из самых глубоких и резких зоогеографических рубежей — граница между индо-малайской и австралийской областями.

К предшественникам или даже к предкам древнейших людей в Юго-Восточной Азии некоторые ученые относят гигантских антропоидов, костные остатки которых были найдены на Яве и на юге Китая. В Индонезии к их числу принадлежат две нижние челюсти — мегантропов (дословно «огромных людей»), обнаруженные в 1941 и 1952 гг. в районе Сангирана около Суракарты (Соло) в центральной части Явы и описанные Г. Кёнигсвальдом и П. Марксом. Челюсти эти, как и сохранившиеся в них зубы, действительно очень крупные и массивные (примерно как у современных горилл), датируются концом нижнего и началом среднего плейстоцена. Морфологически они по многим признакам напоминают соответствующие кости ископаемых и современных крупных антропоидов, однако по некоторым особенностям челюстей и зубов (например по размерам клыков) мегантропы обнаруживали определенное сходство с людьми. Гипотеза Ф. Вейденрейха о принадлежности мегантропов (вместе с южнокитайскими гигантопитеками) к особой группе гигантских гоминид, более древней по сравнению с другими их группами, не может быть признана обоснованной. Весьма

Питекантроп. Реконструкция
М. М. Герасимова

человека и о месте яванских обезьянолюдей в родословной гоминид. Находки Кёнигсвальда в 1937—1939 гг., сделанные недалеко от Триниля у Сангирана (нижняя челюсть В, фрагменты черепов питекантропов II, III и IV), рассеяли сомнения о принадлежности питекантропов к гоминидам, но вместе с тем поставили перед наукой еще более сложные проблемы геологической датировки всех этих форм древнейших людей и их генетических отношений между собою, а также с другими видами ископаемых высших приматов. Новые возможности для решения поставленных вопросов появились после открытия в 1961 г. около Сангирана еще одной нижней челюсти питекантропа (С), описанной индонезийским ученым С. Сартоно.

В то время как большинство исследователей начиная с Дюбуа склонны были относить питекантропа к самому началу четвертичного периода или к еще более раннему времени, Кёнигсвальд и некоторые другие современные ученые передвигают датировку этих находок к середине плейстоцена. Более древним указанные авторы считают детский череп из Моджокерто близ Сурабан (Восточная Ява), найденный в 1936 г. и относимый предположительно к концу нижнего плейстоцена. В свете новейших геологических и палеонтологических данных наиболее правдоподобными представляются взгляды Сартоно, который считает, что на Яве в течение очень длительного времени — с начала до середины четвертичного периода (800—500 тыс. лет тому назад) — жила большая группа древнейших людей (архантропов, по терминологии советских антропологов), распадавшаяся на несколько видов. Наиболее ранним из них был моджокертский питекантроп (*Pithecanthropus modjokertensis*); к этому виду принадлежал, кроме моджокертского ребенка, также питекантроп IV, обладавший очень массивным черепом с сочетанием обезьяньих и человеческих признаков. К тому же или очень близкому виду относились особи, оставившие нижние челюсти В и С, а также мегантропы. Питекантропы I, II и III — представители вида *Pithecanthropus erectus* (буквально «обезьяночеловек прямоходящий») — жили, по-видимому, позднее, уже в период среднего плейстоцена, и занимали более высокую ступень в эволюции гоминид.

Питекантропы, несомненно, представители одной из ранних ступеней в эволюции гоминид. Именно яванские находки справедливо считаются важнейшим доказательством правильности теории Чарльза Дарвина о происхождении человека от высшей обезьяны. Промежуточные черты питекантропов отчетливо выступают в строении черепа, нижней челюсти, зубов

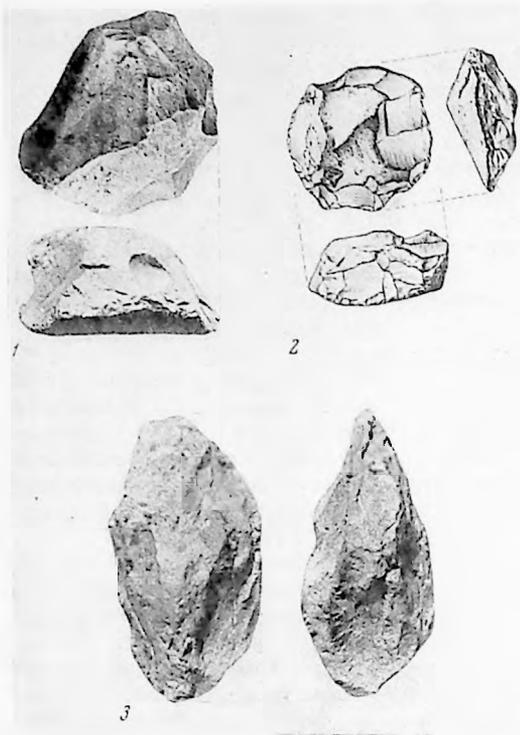
вероятно, что никакого особого рода мегантропов не существовало, что это одна из местных крупных форм древнейших людей, обитавших на Яве в течение длительного периода. Выдвинувший это интересное предположение советский антрополог М. Л. Гремяцкий показал, что нижняя челюсть и зубы мегантропа хорошо подходят к верхней челюсти и зубам питекантропа IV — одного из самых древних представителей гоминид на Яве. Костные остатки питекантропов (обезьянолюдей) по праву считаются едва ли не самыми важными из всех когда-либо сделанных палеоантропологических находок. В течение более чем 60 лет со времени открытия голландским ученым Е. Дюбуа в 1890—1893 гг. в районе Триниля нижней челюсти, черепной крышки, трех зубов и бедренной кости питекантропа I в науке не прекращаются споры о значении этих находок для решения проблемы происхождения

и бедренной кости, т. е. всех найденных до настоящего времени частей скелетов. Так, емкость мозговой коробки питекантропов I и IV равна приблизительно 900 куб. см, тогда как у самой крупной современной человекообразной обезьяны — гориллы — она составляет в среднем 500 куб. см, а у современного человека — 1400 куб. см. С антропоидами питекантропа сближают такие черты, как очень низкий свод черепа, покаты́й лоб, мощный надглазничный валик. Зато слепок черепной полости питекантропа, дающий некоторое представление о строении его мозга, гораздо ближе к слеску черепной полости современного человека, чем любой антропоморфной обезьяны. Несомненно, однако, что мозг питекантропа обладал многими примитивными чертами, например относительно слабым развитием теменной доли лобных извилин — центров высшей психической деятельности.

В строении лицевого скелета питекантропов примитивные черты сочетаются с прогрессивными. Подбородочный выступ, например, отсутствует, что указывает на ограниченность возможности развития речи. Зубы более сходны с человеческими, чем с обезьяньими. Бедренная кость напоминает человеческую, но вместе с тем обладает примитивными чертами, которые позволяют предполагать, что питекантроп по сравнению с современными людьми обладал менее совершенной походкой, хотя и умел уже передвигаться на двух ногах. Общая длина тела питекантропа I, судя по величине его бедра, достигала 165—170 см.

Об образе жизни питекантропов известно очень мало. Обнаруженные в тринильских слоях остатки флоры (в том числе хорошо сохранившиеся листья и даже цветы) показывают, что питекантропы жили в плювиальный (дождливый) и сравнительно прохладный период, когда средняя годовая температура на Яве была примерно на 6° ниже современной. Древнейших людей Индонезии окружал вечнозеленый смешанный лес, состоявший преимущественно из тех древесных и травянистых пород, которые в настоящее время растут здесь на высоте 600—1200 м над уровнем моря. В этом лесу было много видов фикусов, лавровых, цитрусовых. Фауна, найденная Дюбуа вместе с остатками питекантропа I, включала главным образом вымершие виды, характерные для среднего плейстоцена. Среди них были древние слоны (близкие к жившим тогда в Европе), носороги, бегемоты, тапиры, различные олени, антилопы, быки, дикие свиньи, барсы, тигры, обезьяны. Такая же фауна, названная тринильской, окружала и питекантропов II и III, найденных в районе Сангирана. Что касается раннеплейстоценовых индонезийских гоминид (ребенок из Моджокерто, питекантроп IV и, возможно, мегантроп), то они жили, по-видимому, в более теплое время в окружении более архаичной фауны. Вместе с нижней челюстью питекантропа Сартоно нашел фрагмент челюсти характерного для этой фауны древнезондского быка (*Vibos palaeosondaicus* Dubois).

Если теоретически и раньше можно было предполагать, что у питекантропа уже имелись зачатки трудовой деятельности, то после находок Кёнигсвальда вопрос этот можно считать близким к положительному разрешению. Этот исследователь в 1936 г. нашел на юге Явы, в долине реки Баксок у Патжитана в плейстоценовых слоях, заключавших фауну, сходную с тринильским комплексом, многочисленные каменные орудия, которые относятся, по-видимому, к началу древнего каменного века. Они описаны в археологической литературе как характерные для особой нижнепалеолитической патжитанской культуры. В составе патжитанского инвентаря преобладают грубые рубящие орудия обычно неправильной формы, сильно отличающиеся от европейских ручных рубил того же периода, большей частью тщательно обработанных с обеих сторон. Орудия эти, названные чопперами, выделялись в большинстве случаев из каменных галек. Для их изготовления вместо классического палеолитического материала — кремня, редкого в Юго-Восточной Азии, использовали кварцит, туф и другие породы. Кроме чопперов, в Патжитане были найдены настоящие двухсторонне обработанные ручные рубила, сходные с европейскими (они составили 6,2% находок), а также примитивные сколотые пластины и всевозможные отщепы.

Нижнепалеолитические орудия Юго-Восточной Азии:

1 — из Патжитана; 2 — из Аньята; 3 — из Кота Тампана

Калимантане, а в 1962 г. индонезийский археолог Суйою обнаружил чопперы и па острове Балл. Раннепалеолитические орудия из обсидиана и кремнистого сланца, напоминающие патжитанские, есть и на Филиппинских островах (Лусон, Минданао и др.).

Следовательно, древнейшие люди освоили в этот период уже значительные пространства в Индонезии и на Филиппинах.

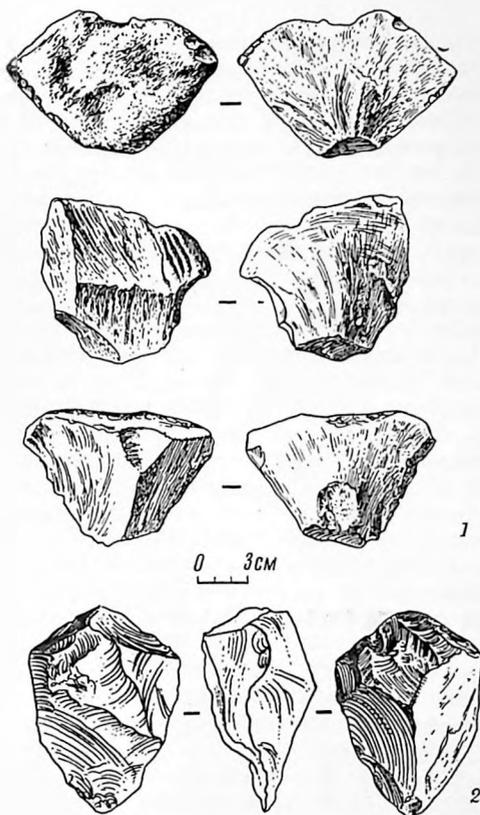
Расселение гоминид стадий архантропов в Юго-Восточной Азии должно было захватывать не только ее островную, но и материковую часть. Действительно, раннепалеолитические памятники известны уже почти во всех странах Индокитая. Очень важные открытия сделали ученые Демократической Республики Вьетнам Нгуен-донг-Ти, Хуан Хын и Ле-ван-Лан (при участии советского археолога П. И. Борисковского) в 1960—1961 гг. около города Тханьхоа (в 170 км к югу от Ханоя), где на горе До было обнаружено нижнепалеолитическое местонахождение. Здесь собрали много отщепов, свыше 40 каменных ядрищ (пуклеусов), десять базальтовых чопперов неправильной формы и, наконец, одно типичное ручное рубило, оббитое с обеих поверхностей несколькими грубыми, широкими сколами, идущими от краев к середине. Таким образом, по-видимому, подтвердилась высказанная французскими археологами А. Мансюи и М. Колани еще в 1931 г. мысль о том, что территория Вьетнама была заселена гоминидами уже начиная с нижнего палеолита. В соседнем Лаосе, недалеко от Луангпрананга, по данным Ж. Фромаже и Э. Сорена, также были обнаружены каменные орудия нижнепалеолитического облика. Вместе с ними найдены остатки древней ископаемой фауны, во многом близкой к тринильской, а также кости какого-то крупного примата, возможно, близкого к питекантропам.

Связь патжитанской культуры с питекантропами, в особенности с их поздними (среднеплейстоценовыми) видами, представляется довольно вероятной. Необходимо, однако, иметь в виду, что орудия из Патжитана обработаны уже настолько хорошо, что вряд ли могут рассматриваться в качестве древнейших изделий человеческих рук. Им должны были предшествовать какие-то более примитивные орудия, на Яве пока что не обнаруженные. Вполне вероятно, что древнейшие гоминиды из рода питекантропов пользовались именно такими примитивными орудиями, тогда как более поздние представители этого рода изготовляли орудия патжитанского типа. Ясно, во всяком случае, что на Яве в равнем и среднем плейстоцене жили древнейшие люди, изготовлявшие каменные орудия. Сходные с патжитанскими орудия были найдены на Суматре и

На западе Таиланда в провинции Канчабури недалеко от границы с Бирмой хорошо датированные нижнепалеолитические местонахождения были обнаружены в 1960—1961 гг. Тайско-Датской археологической экспедицией в Чаидэ и в Тхаманао (бассейн реки Меклонг). Большинство найденных здесь орудий — чопперы, но встречаются и примитивные ручные рубила с двухсторонней обработкой, а также изделия типа скребел. Подобные же раннепалеолитические местонахождения с преобладанием чопперов в хозяйственном инвентаре известны, кроме Таиланда, на Малакском полуострове и на севере Бирмы. Американский исследователь Х. Л. Мовнус выделяет культуры этого типа — патжитанскую на Яве, тампанскую на Малакке, аньятскую в Верхней Бирме, а также чжоукоудяньскую (связанную с синантропами) в Северном Китае и соанскую в Пенджабе (культуры эти названы по наиболее характерным местонахождениям) — в особую культурную провинцию, противопоставляя ее другой провинции раннего палеолита, охватывающей юг Индии, Переднюю Азию, Африку и Европу и характеризующейся классическими ручными рубилами. Таким образом, Мовнус проводит резкую разграничительную линию между нижнепалеолитическими культурами двух частей первобытной эйкумены.

Однако вопрос о территориальных вариантах нижнепалеолитических культур до сих пор не решен окончательно. Неверно, что ручные рубила отсутствуют в стоянках этого периода в Восточной и Юго-Восточной Азии. О наличии их в нижнепалеолитических местонахождениях Явы (Патжитан), Вьетнама (гора До) и Таиланда (Чаидэ и Тхаманао) уже говорилось выше. Попадают ручные рубила и среди хозяйственного инвентаря тампанских и аньятских памятников. П. И. Борисковский, оценивая результаты новейших археологических открытий во Вьетнаме, указывает, что они представляют собой веский аргумент против концепций Мовнуса. В то же время, как хорошо показал другой советский археолог С. Н. Замятин, в нижнепалеолитических стоянках Европы найдено немало орудий, обработанных только с одной стороны и очень сходных с чопперами. По-видимому, следует говорить не о специфичности орудий определенных типов для восточной и западной частей первобытной эйкумены, а только об их преобладании. В известной мере эти различия могли быть обусловлены материалом, служившим для изготовления орудий: в Европе таким материалом был главным образом кремнь, хорошо поддающийся обработке, в Юго-Восточной же Азии, где кремня было мало, чаще использовались другие породы, менее «податливые» для обработки путем скалывания.

Нельзя, однако, отрицать, что технические навыки древнейших людей, первоначально связанные с характером материала, имевшегося в их распо-

Нижний палеолит (гора До):
1 — отщепы; 2 — ручное рубило

ряжении, в дальнейшем на протяжении многих поколений закреплялись традицией и в конце концов привели к возникновению реальных различий в количественном соотношении орудий разных типов в восточных и западных районах расселения архантропов. Вряд ли можно сомневаться в том, что как восточные, так и западные группы древнейших людей могли изготавливать уже весьма разнообразные изделия, но первые чаще выделывали чопперы, а вторые — ручные рубила. В этой связи интересны соображения А. П. Окладникова и В. Е. Ларичева, которые, изучая новейшие археологические материалы, пришли к выводу о существовании в Азии двух основных территориальных разновидностей раннего палеолита — галечной культуры с преобладанием чопперов, характерной для всей Юго-Восточной Азии, и культуры рубил западного типа, проникшей, по их мнению, в Центральную Азию, в частности на территорию современной Монголии, из Средней и Передней Азии. Согласно этой гипотезе, все описанные выше нижнепалеолитические местонахождения Юго-Восточной Азии относятся к галечной культуре.

Пока еще очень немногочисленны в Юго-Восточной Азии костные и культурные остатки потомков архантропов — палеоантропов, или древних людей, живших в конце периода раннего палеолита, примерно 100 тыс. — 40 тыс. лет тому назад. Многие советские и зарубежные археологи обозначают это время термином «средний палеолит» (в Западной Европе он характеризуется культурой мустье). С этой точки зрения ранний палеолит подразделяется, следовательно, на нижний (архантропы) и средний (палеоантропы, включающие неандертальцев Европы, Африки и Западной Азии, а также близкие к ним неандерталовидные формы).

Палеоантропологический материал, относящийся к среднему палеолиту на рассматриваемой территории, — 11 неполных черепов и отдельные длинные кости, обнаруженные в 30-х годах нашего века голландским ученым В. Оппенортом на Яве около селения Нгандонг на реке Соло, недалеко от Триниля. В антропологической литературе находки эти известны под названиями «явантроп» или «нгандонгский человек». Вопрос о его отношении к питекантропу, с одной стороны, и неандертальцам, с другой, решается по-разному. Некоторые исследователи безоговорочно включают явантропа в круг неандертальских форм, другие рассматривают его как более примитивный, чем неандертальцы, вид (по терминологии Оппенорста, *Javanthropus soloensis*), занимающий промежуточное положение между питекантропами и неандертальцами (т. е. между древнейшими и древними людьми). Но и те авторы, которые причисляют явантропа к неандертальцам, тоже подчеркивают его примитивные черты: сравнительно небольшую емкость мозговой коробки (1150—1200 куб. см), сильное развитие надглазничного и затылочного валиков, большую толщину стенок черепа и др. По ряду признаков черепа из Нгандонга обнаруживают большое сходство с черепами питекантропов. Это, возможно, указывает на генетические связи обеих форм. Геологический возраст нгандонгского человека определяется как верхнеплейстоценовый (третий ледниковый и третий межледниковый периоды Гималаев). Вместе с остатками явантропов было найдено много костей различных животных. Подобные же слои с фауной нгандонгского типа встречаются и во многих других местах центральной Явы; повсюду они залегают выше отложений, содержащих тринильскую фауну и остатки питекантропов. Нгандонгская фауна заметно отличается от тринильской: стегодоны, древние слоны и гиппопотамы представлены в первой гораздо более специализированными видами, чем во второй. Самым распространенным животным в Нгандонге был пятнистый олень.

Орудия, собранные в Нгандонге, включают, с одной стороны, небольшие грубые отщепы и пластины, иногда напоминающие чопперы, с другой же стороны — тщательно выделанные предметы из кости и оленьего рога (костяной нож с полпрованным краем, костяной гарпун, роговой заостренный инструмент и др.). В Сангиране в аналогичных слоях была найдена очень сходная с нгандонгской каменная индустрия, но без изделий из рога и кости. Можно предполагать, что явантропам принадлежали только примитивные

каменные (большой частью халцедоновые) изделия, вещи же из кости и рога попали в нгандонгские слои из более поздних отложений. Хотя хронологически нгандонгская индустрия и относится, возможно, к среднему палеолиту, но типологически она отличается от мустьерских и одновременных с ними среднепалеолитических орудий Европы и Западной Азии примитивным обликом.

Изделия мустьерского типа, как и костные остатки палеоантропов, в Индонезии и в Индокитае встречаются очень редко. С этой точки зрения интересно сообщение португальского антрополога Мендес Корреа об открытии в 1953 г. на острове Тимор в долине реки Гаси-Лпу стоянок с индустрией мустьерского типа (сделанные из кремня и яшмы остроконечники, скребла, отщепы, пластины и нуклеусы). Некоторые из этих изделий напоминают пластины типа леваллуа, характерные для переходного периода от раннего к позднему палеолиту.

Единичность памятников с индустрией мустьерского типа на юго-востоке Азии частично объясняется, вероятно, тем, что из-за отсутствия или редкости кремня хорошего качества здесь не было технических предпосылок для ее развития. Очень вероятно, что в Индокитае, Индонезии и на Филиппинах чопперы и близкие к ним орудия преобладали на протяжении всего раннего палеолита. Многие памятники аньятской и тампанской культур Индокитая с индустрией типа чопперов относятся ко времени бытования в Европе мустьерской культуры.

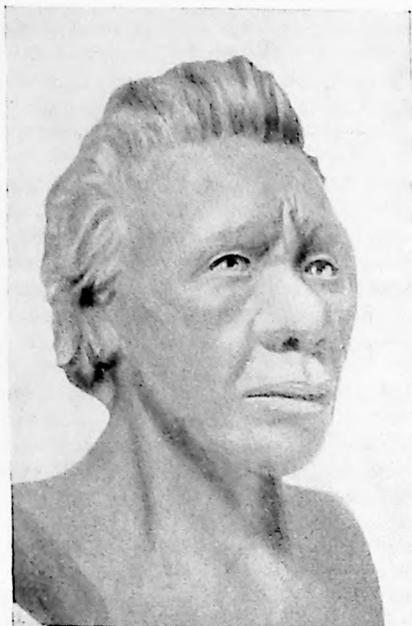
Известны находки среднепалеолитических орудий примерно того же периода и на Филиппинских островах (Лусон и Минданао).

Поздний палеолит Переход от древних людей (палеоантропов) к людям современного вида (неоантропам) и соответственно от раннего палеолита к позднему представляет собой одну из самых важных, но еще далеких от окончательного решения проблем истории Юго-Восточной Азии. Это в значительной степени связано с недостаточностью как палеоантропологических, так и археологических материалов.

Значительный интерес для освещения этой проблемы представляет находка, сделанная в 1925 г. на северном побережье Новой Гвинеи около Аитане, недалеко от восточной границы Западного Ириана. Здесь была найдена неполная черепная крышка, датируемая, по данным описавшего ее Ф. Феннера, поздним плейстоценом. Крышка эта, принадлежавшая, по-видимому, взрослой женщине, отличается большим развитием надбровных дуг, наклонным лбом и высоким положением височных линий на темневых костях, что указывает на сравнительно небольшую емкость мозговой коробки. Американский антрополог К. Кун отметил морфологическое сходство крышки из Аитане с черепами явантропов и в то же время указал на ее австралийные черты. Возможно, что череп из Аитане принадлежал уже человеку современного вида и относился к одному из наиболее ранних вариантов восточной ветви негро-австралоидов, которые, как красноречиво свидетельствует эта находка, в позднплейстоценовое время уже достигли Новой Гвинеи. Никаких культурных остатков, сопровождающих череп из Аитане, не найдено.

Еще большее значение для решения вопроса о времени и путях расселения неантропов на юго-востоке Азии имеет череп, обнаруженный Т. Гаррисоном в 1958 г. в пещере Ниах, на севере Калимантана (Саравак). Этот череп, принадлежавший, вероятно, женщине 15—17 лет, отличается тонкими чертами строения, сравнительно небольшими абсолютными размерами мозговой коробки, слабо развитым надбровьем, прямым, даже несколько выпуклым широким лбом, хорошо выраженными темевными буграми, округленной формой затылка. Лицо у черепа из Ниаха очень низкое, нос абсолютно и относительно широкий, носовой указатель 66,3 (носовой указатель представляет собой процентное отношение ширины носа к его высоте), переносье низкое, заметно выражен альвеолярный прогнатизм¹, зубы по абсолют-

¹ Выступание ячеистой части верхней челюсти.

Ваджакец. Реконструкция

ным размерам небольшие. Ниахский череп, несомненно, относится к современному виду человека (*Homo sapiens*). Многие особенности этого черепа, прежде всего широкий нос, низкое переносье и прогнатизм сближают его с древними и современными негро-австралоидами. Возраст этого черепа определяется методом радиоуглерода в $39\ 600 \pm 1000$ лет. В том же слое, что и костные остатки позднепалеолитического человека, в пещере Ниах были обнаружены орудия типа чопперов и большие грубые пластины, во многом сходные с изделиями, характерными для позднесоанской культуры северо-запада Индии. В более высоких горизонтах той же пещеры датированного временем 30—25 тыс. лет тому назад, были найдены более мелкие пластины, свидетельствующие о постепенном усовершенствовании техники обработки камня. Еще выше, в слоях, переходных от позднего палеолита к мезолиту, датированных 10 тыс. лет

до н. э., встречаются еще более совершенные изделия.

Задолго до находок черепов из Антапе и Ниаха, в 1889 г. на юге Явы, к востоку от Патжитана, около Ваджака, были найдены два сильно минерализованных черепа, которые не могут быть точно датированы, но предположительно относятся к очень древнему периоду. Черепа эти — один мужской (очень плохой сохранности), другой женский — были описаны Е. Дюбуа в 1922 г. Этот автор совершенно справедливо указал на принадлежность ваджакских черепов людям современного вида, но в то же время отметил такие их особенности, как покатый лоб, сильно выраженные надбровные дуги, прогнатизм, широконосость, долихокранию (относительную длинноголовость). На основании этих признаков Дюбуа считает возможным говорить о протоавстралоидном облике рассматриваемых черепов. Вполне естественной представляется морфологическая близость мужского черепа из Ваджака с черепом из Кейлора (юг Австралии), возможно, относящимся ко времени первоначального заселения людьми этой части света. Следует указать, впрочем, и на некоторые отличия ваджакских черепов от современных австралийских: очень крупные абсолютные размеры первых, слабое развитие у них клыковых ямок (*fossae caninae*) и др. Последний признак, по свидетельству Я. Я. Рогинского, сближает черепа из Ваджака с айшкими.

Одновременное сходство ваджакских людей с австралийцами и айнами не должно нас удивлять, так как те и другие в антропологическом отношении представляют собой варианты одной и той же негро-австралоидной (экваториальной) большой расы. Методом радиоуглерода установлено, что череп из Кейлора имеет возраст $18\ 000 \pm 500$ лет. По новейшим данным, в Австралии (в районе озера Менинди) обнаружены позднепалеолитические орудия, относящиеся к еще более раннему времени и датированные методом радиоуглерода в $26\ 300 \pm 1500$ лет. Таким образом, очевидно, что заселение Австралии протоавстралоидами из Индонезии произошло еще в позднем плейстоцене, скорее всего в середине позднепалеолитического периода. Вполне возможно, что предки айнов из Индонезии проникли на Филиппины, и в более позднее время, расселяясь в северном направлении, достигли Тайваня,

Рюкю и Японских островов. На Филиппинах ископаемым свидетельством этого расселения является, возможно, черепная крышка, найденная Р. Фоксом в одной из пещер острова Палаван. Крышка эта, насколько можно судить по крайне неполному ее описанию, обладает некоторыми австралоидными особенностями. К сожалению, до настоящего времени костные остатки позднепалеолитических людей в пределах Индокитая не найдены. Однако недалеко от северных границ Вьетнама на территории современной китайской провинции Гуанси, относящейся с историко-географической точки зрения к Юго-Восточной Азии, в 1958 г. в одной из пещер уезда Люцзян был найден мужской череп, датируемый концом верхнего плейстоцена. Люцзянский череп массивный, узкий, умеренно высокий, удлиненной формы — черепной указатель 75,1 (черепной указатель представляет собой процентное отношение наибольшей ширины черепа к его наибольшей длине), с умеренно наклонным лбом и заметно развитым надбровьем. Лицо у него низкое, довольно широкое, уплощенное. Нос относительно очень широкий, переносье низкое, носовые кости выступают слабо. Хорошо выражен альвеолярный прогнатизм. Таким образом, почти по всем основным расовым признакам этот череп занимает промежуточное положение между монголоидами и австралоидами из Ниаха и Ваджака. Заметное сходство он обнаруживает с древними и современными черепами южных вариантов монголоидной большой расы. Некоторые южномонголоидные черты прослеживаются и на позднепалеолитическом черепе из Лайбиня, найденном в той же провинции Гуанси. Таким образом, очень вероятно, что Индонезия и Индокитай были в позднем палеолите заселены негро-австралоидами, а несколько севернее, в бассейне Сицзяна, в то время уже существовали расовые типы, переходные между негро-австралоидами и монголоидами. Типы эти скорее всего представляли собой древние недифференцированные формы, связывавшие обе большие расы Юго-Восточной Азии в самом процессе их образования.

Итак, сравнительное изучение костных остатков позднепалеолитических неантропов Юго-Восточной Азии показывает, что среди них уже имела место известная расовая дифференциация. В странах, примыкающих к Индийскому океану (Индия, Индокитай, Индонезия), формировались восточные — австралоидные или азиатско-океанийские — варианты экваториальной большой расы. К северу от них, в бассейне Сицзяна и Япцзы, складывались различные формы южноазиатской группы монголоидов. Можно полагать, что южноазиатская группа с самого начала была переходной, совмещавшей признаки монголоидов и негро-австралоидов.

Австралоидные черты, очевидно, ослабевали при переходе от южных расовых типов к более северным (например, в ряду Кейлор — Ваджак и Ниах — Люцзян). Такое направление изменчивости вполне понятно, если учесть, что, по мнению многих антропологов, негро-австралоидные расовые признаки сложились в экваториальном поясе Южной Азии и Африки с его сравнительно постоянной круглогодичной положительной температурой, усиленной инсоляцией и обильными осадками.

Проблема отношений в Юго-Восточной Азии между раннепалеолитическими архантропами и палеоантропами, с одной стороны, и позднепалеолитическими неантропами — с другой, очень сложна. Едва ли можно считать явантропов, обладающих, как указывалось выше, многими примитивными признаками, непосредственными предками вполне сапиентных австралоидов из Ниаха и Ваджака. Против такого допущения говорит и то, что хронологический промежуток между костными находками из Нгандонга и Ниаха, относящимися к позднему плейстоцену, сравнительно невелик (не более 10 тыс. лет). Сомнительно, чтобы за это время неандерталоидные явантропы могли вырабатывать столь резко выраженные сапиентные черты. Однако все эти соображения далеко недостаточны для вывода о том, что область сапиентации древних людей не включала, по крайней мере частично, территории Юго-Восточной Азии. Впрочем возможно, что сапиентные формы первоначально возникли не повсеместно в Юго-Восточной Азии, а только в некоторых ее районах, например в предгорьях Гималаев, откуда ранние представители неантро-

пов не менее 40 тыс. лет назад начали расселяться по остальным материковым и островным районам Юго-Восточной Азии. Но не исключена возможность, что сапентация захватывала более обширную территорию, включая и некоторые острова Индонезии. По аналогии с гипотезой, выдвинутой некоторыми советскими антропологами (Я. Я. Рогинским, В. П. Якимовым и др.) о палеоантропах западной части первобытной эйкумены, можно предполагать, что при освоении Юго-Восточной Азии потомки более прогрессивных сапентных неандертальцев постепенно ассимилировали менее многочисленных потомков явантропов и близкие к ним формы древних людей. В настоящее время все эти построения не выходят, конечно, за рамки рабочих гипотез. Только накопление палеоантропологических материалов может привести к разрешению поставленной проблемы.

Палеоантропологические материалы, относящиеся к позднему палеолиту Юго-Восточной Азии, было бы, конечно, чрезвычайно интересно сопоставить с более или менее одновременными археологическими данными. К сожалению, последние настолько скудны, что такое сопоставление почти невозможно. Поздний (верхний) палеолит Индокитая, Индонезии и Филиппин все еще так же мало изучен, как и средний палеолит этих стран. На территории Северного Вьетнама (как и соседней китайской провинции Гуанси) к самому концу позднего палеолита некоторые исследователи (например французский археолог Мадлен Колани) относят часть хозяйственно-культурных находок из обычных в этих местах известковых пещер — многочисленные каменные орудия типа чопперов, изготовлявшиеся главным образом из расколотых галек и иногда имевшие форму топоров или тесел. Найдены были в северовьетнамских пещерах и костяные орудия, в том числе проколки позднепалеолитического облика. Орудия эти принадлежали, по всей вероятности, первобытным охотникам и собирателям, жившим на опушках тропических лесов, по берегам многочисленных рек и озер. Здесь можно было собирать съедобных моллюсков, плоды деревьев, ягоды и птичьи яйца, ловить рыбу, охотиться на мелких, а иногда и на крупных животных, даже на слонов и носорогов. Во Вьетнаме наибольшее количество каменных и костяных изделий, а также остатков фауны, которые могут быть отнесены к концу позднего палеолита, обнаружены в пещере Кеофай в горах Бакшонга.

Интересно отметить, что с лайбиньским человеком были найдены два отщепы со следами обработки и орудие из кварцевой гальки, очень сходное с чопперами из пещер Северного Вьетнама. Однако некоторые археологи (Э. Патт, Э. Сорен, в последнее время также П. И. Борисковский) сомневаются в позднепалеолитической датировке этих стоянок и относят их к мезолитическому периоду, ссылаясь на отсутствие каких-либо признаков окаменения на сопровождающих их остатках фауны. Но даже если это заключение верно (что далеко еще не доказано), не снимается вопрос о большом сходстве галечных культур всей Юго-Восточной Азии на протяжении древнекаменного века и об их «переживании» вплоть до самого конца позднего палеолита и даже мезолита. Есть также все основания предполагать, что на заключительном этапе своего развития культуры эти принадлежали людям современного вида (неоантропам), которые относились главным образом к восточным австралоидам.

В других странах Индокитая, а также в Индонезии и на Филиппинах позднепалеолитические находки еще труднее отделены от мезолитических. Каменные орудия из расколотых галек, сходные с северовьетнамскими, встречаются во многих местах Таиланда, Бирмы, Малакки, Суматры, Явы, Калимантана, Сулавеси, а также Минданао, Лусона и других островов Филиппинского архипелага. Нередко орудия эти находят вместе с костяными и роговыми изделиями, что еще раз указывает на позднепалеолитический характер этой своеобразной индустрии. В связи с этим большой интерес представляют упоминавшиеся выше археологические находки в пещере Ниах, где удается проследить постепенный переход от самых нижних горизонтов позднего палеолита до мезолита включительно. Особого внимания заслуживает сходство позднепалеолитических орудий Юго-Восточной Азии

